

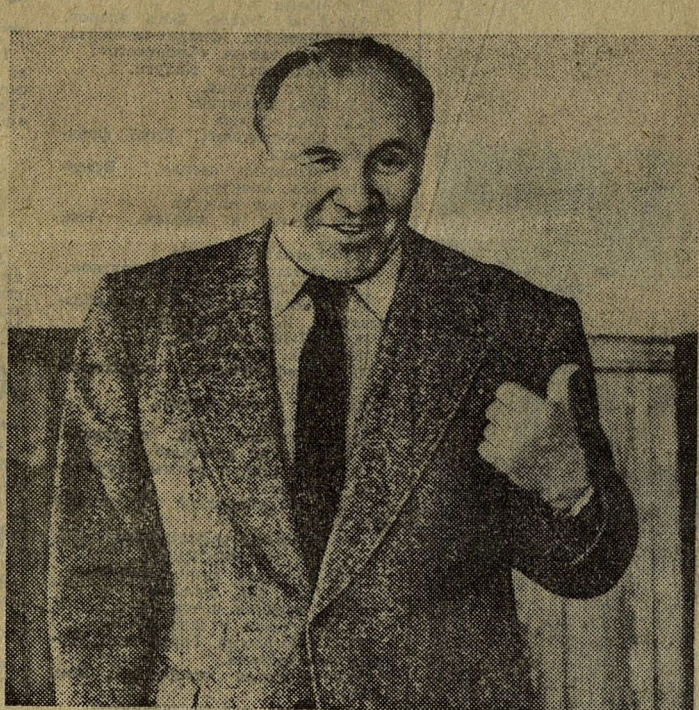
Михаил УЛЬЯНОВ:

ТРЕВОГИ МОЕЙ ПРОФЕССИИ

В Хабаровске продолжают гастроли театра имени Евг. Вахтангова. В двух его спектаклях — «Фронт» и «Ричард III» занят лауреат Ленинской и Государственных премий СССР и РСФСР народный артист СССР Михаил Александрович Ульянов. Актер, которого представлять зрителям особо не надо — его знают все.

Властителем дум назвал Ульянова критик А. Свободин, объясняя свое определение следующим образом: «Нет сегодня другого актера, который бы так целеустремленно и разнообразно создавал образ человека послеоктябрьской эпохи... Он генерирует не просто мысль, но мысль общественную. Сегодня он принадлежит к редким актерам, импортирующим многим миллионам зрителей, актерам, которые составляют явление не только эстетическое, но и социологическое».

Публикуем беседу корреспондента «Тихоокеанской звезды» с М. А. УЛЬЯНОВЫМ.



— У каждого хорошего театра есть свое место, своя школа. Для театра имени Вахтангова присущи, воспользуемся вашим определением, Михаил Александрович, «праздничность», театральность, любовь к форме, форме острой, прямой, но всегда внутренне оправданной, характерность, разнообразие жанров, смелость актерских работ — вот черты вахтанговцев. Прокомментируйте эти тезисы на примерах двух-трех спектаклей.

— Вахтанговское слияние, метод, как я понимаю, идет в нашем театре от двух корней — щукинского и симоновского, двух великих предшественников вахтанговской школы. Суть его — в избытке жизненных сил, в ощущении жизни во всей ее полноте, биении пульса времени в каждом спектакле. В творчестве Б. В. Щукина — это реализм, социальность, глубина проникновения в явления и, конечно, яркая театральная форма. У Р. Н. Симонова — это приподнятость, романтизм при той же яркости форм, театральности. Эти два начала, два корня, переплетаясь, создают своеобразие, неповторимость вахтанговской школы, когда актеры играют социально верно, точно и по-театральному ярко.

Идеально, думаю, проявилось это качество в спектакле Рубена Николаевича Симонова «Филумена Мартурано» Эдуардо де Филиппо, в котором он играл роль Доменико Сориано поразительно по-вахтанговски. Это была точно выверенная фигура прихлебателя, скользящего по жизни и собирающего радости ее. Но вот жизнь столкнула его с проблемами своей семьи, и будто открылась в человеке совсем другая душа — богатая и тонкая, и он начинает понимать всю бессмыслицу своего прежнего существования. Конечно, «Филумена Мартурано» не самая глубокая пьеса, но она дала возможность прекрасному актерскому дару Симонова с поразительной силой сказать о прозрении заблуждавшегося человека, о том, что истинно в жизни, что — шелуха. Все это было сыграно до такой степени ярко, приподнято, что я считаю эту работу одной из лучших в нашем театре.

В лучшем вахтанговском смысле примечательна и работа Н. О. Гриценко в спектакле «На золотом дне» по Мамину-Сибиряку, в роли золотопромышленника Тихона Кондратьевича. Гриценко рисовал героя сочными, жирными красками, размашисто, безудержно по фантазии, он доводил его до гротеска, буфонады и в то же время оставлял его типом социальным, доведенным до такого состояния невежеством, грубостью, бескультурьем среды, откуда он пришел.

Третья работа, которую я бы хотел назвать, связана с именем Юрия Васильевича Яковлева в спектакле «Платонов» в роли доктора Терлецкого. Глубина чеховской грусти по напрасно прожитой жизни, по затоптанной судьбе была разыграна с такой иронией, юмором, с такой вахтанговской театральностью, что Яковлев доставлял, с одной стороны, огромное наслаждение своим артистизмом, а с другой — душа сжималась от жалости к его герою, который безвозвратно погибает в бессмыслице своего существования. Я считаю эту работу одной из лучших, а может быть и самой лучшей у Яковлева.

Вахтанговским откровением редкой актрисы Юлии Константиновны Борисовой была роль Вали в спектакле «Иркутская история», разыгранная с таким озорством, изяществом и так человечески глубоко! Пожалуй, ни одной актрисе не удавалось воплотить эту роль столь пронзительно и так мастерски.

Все работы, которые я называл и которые хорошо знаю, глубоки и социальные, безусловно. И в то же время они чрезвычайно театральные, солнечные, спетые ярким, сочным языком.

— Сохраняется ли сейчас в театре вахтанговское начало?

— Безусловно. Я называл вам работы самые лучшие, образцы. Есть они и сейчас, более или менее удачные, но назвать такую, которую мог бы поставить рядом с теми, о которых говорил, не могу.

— В какой мере сочетаются личные черты характера актера с воплощаемыми героями?

— Меня считают актером на социально сильные роли. Вероятно, причиной тому были такие мои работы, как Трубников, Бахирев, маршал Жуков, ряд других. Они-то и создали определенный стереотип восприятия моего творчества — через эти роли. А в последнее время у меня появились роли противоположные, скажем, в «Кафедре», «Транзите», «Ричарде III», «Равняется четырем Франциям», роли, которые смущают зрителей. Что же это, мол, он выделяет, зачем он в ту сторону идет — недоумевают они.

Наша профессия дает возможность помянуть о тех чертах человеческого характера, которых, скажем, у меня, актера, нет, и дает возможность сыграть их. Актер не является слепком своего «я» в ролях. Ульянов — не Наполеон, не был им и никогда не станет, как и не стану Разиным. Но, создавая эти образы на сцене, я выражаю свой взгляд, свое отношение к ним, играю их с позиций моего видения. Этой мой взгляд. Скажем, в образах Жукова или Трубникова было воплощение тех черт характера, которые мне надо было сыграть и которых я, например, у себя не наблюдаю.

Но случайно ли я взялся за роли в «Кафедре», «Транзите», «Ричарде», «Равняется четырем Франциям»? По той причине, что наша профессия дает возможность еще и высказаться по тем или иным проблемам. Скажем, Брызгалов в «Кафедре» обуревает завистью к талантам и он, обладая какой-то силой, уничтожает вокруг себя всех, кто выше его, умнее, разумнее, и это освободившееся пространство заполняется прихлебателями и бездарями. Явление сложное и социальное. И я как актер имею возможность выразить свое отношение к нему. Как, впрочем, и в «Без свидетелей» или в «Транзите», который вызывает, насколько я знаю, спорное отношение. Что-де за командировочный гусарский роман? А дело-то не в романе, а в человеческом одиночестве. Этот вроде бы непоколебимый человек в кожаном пальто на самом деле одинок как перст в этом мире, и он все время играет этого супермена, изображает сильную личность как способ защиты. И вот случилось — так же, как случилось в чеховской «Даме с собачкой», в бунинском «Солнечном удале»! Случилась такая судьба. В чем смысл здесь? Одиночество страшно в жизни. Можно о нем рассказать как историю бедного, несчастного, никому не нужного человека. А можно, рассказав о человеке, который во всех смыслах полон и мускулист, у него есть работа, он город строит, жена вроде есть. А на самом — то деле где-то там, в глубине души, он не понимает, не принимает. Ведь это тоже проблема?

— Ему холодно в таком существовании...

— Холодно! И вдруг он встретил тепло. Случайно, как набредают на женушень, на золотой самородок. Но жизнь изменить уже нельзя, нельзя остаться в этом городе, с этой женщиной. Почему так к этому не подоити? Меня огорчает поверхностное отношение к факту, а не к коренной системе проблемы этого произведения.

— Ваше мнение об актерской интуиции, импровизации?

— Интуиция — такой же талант, как и многие другие. Я не знаю, как его расщипывать. Кому-то она дана, кто-то идет путем вычисления. Она или есть, или отсутствует. Импровизация нашему театру

присуща. Есть импровизации, которые способствуют развитию темы, но есть и отсебятина, которая ее губит. Это разные вещи. Импровизация — тоже талант редкостный...

— Как вы относитесь к явлению «новой волны» в драматургии — имею в виду пьесы В. Арро, Л. Петрушевской, А. Казанцева, С. Злотникова и других драматургов? Что она дала современному театру?

— Я не так хорошо знаком с произведениями этих авторов и не имею права быть категоричным в суждениях. Но, думаю, мне, что в поисках общих тенденций жизни, их раскрытия, осмысления общественных проблем мы все же теряли часто из виду человеческую личность, индивидуальность. Поднимая проблему, драматургия, театр не заботились об индивидуализации, приближении к человеческому дыханию. Как мне кажется, эти авторы пробуют разглядеть общее через частное. И это подробное разглядывание человеческой судьбы, иногда очень сложное, через маленькую клетку общего характерно для них, они пытаются таким образом увидеть тенденции сегодняшнего дня. Как всякое новое оно вызывает и сомнения, и неприятие, это естественно. Но отмахнуться было бы неверно. По той причине, что подробное изучение человеческого характера, судьбы, социального типа сегодняшнего времени — это один из театральных методов, и не стоит терять нам разнообразия в познании, воплощении на сцене социального типа современности.

— Михаил Александрович, познакомьте читателей с последними вашими работами в театре, кино.

— Закончил серьезную работу, очень глубокую и сложную для театра и для себя, трудно рождавшуюся — это образ Едигея в спектакле по роману Айтматова «И дольше века длится день». Айтматов поднимает вопрос вопросов — каким быть человеку в нашем бурном, изменяющемся мире? Он утверждает, что единственная основа — жизнь по Едигею, жить с достоинством, на своем месте, со своей ответственностью. Для меня эта роль очень важна. В поисках положительного героя мы порой наделяем его высокими проявлениями, чувствами, поступками, но теряем одно — создаем героя в отрыве от сегодняшнего дня. Айтматов создал наипростейшую и наисложнейшую личность Едигея, который близок каждому из нас. Потому что все мы: я в театре, кто-то на заводе, в колхозе, должны хорошо делать свое дело и быть лично сопричастными к общим проблемам. Это, вероятно, есть основа жизни — как живет Едигей.

Спектакль пойдет в начале нового сезона.

В кино заканчиваю сниматься в картине «Битва под Москвой», она посвящена 40-летию Победы, играю Жукова. Небольшой эпизод в этой же роли — в фильме «Победа» по произведению А. Чакковского. Снял также в документальном фильме о Жукове. В театре планы тоже есть, но они пока до конца не ясны, не утверждены. Поэтому говорить о них не буду.

— Каковы ваши впечатления о Хабаровске?

— В вашем городе я впервые. Он покорила обилием зелени, украшает его роскошный, могучий Амур, который как бы настраивает на восприятие. Нас, москвичей, радует темп, ритм жизни — когда нет толчеи на улицах, уютливой торопливости, и люди имеют возможность ходить. Город с чистым, речным, я бы сказал, каким-то зеленым воздухом. Хотя, наверное, есть у вас и свои проблемы, не мне о них судить...

— Спасибо за беседу. Беседу вел А. ЧЕРНЯВСКИЙ. Фото В. ТАРАБАШУКА. (КрайТАСС).